

теории познания в свете труда И. В. Сталина по языкознанию.— «Вопросы философии», [М.], 1952, № 5, стр. 115—131. Ломтадзе Э. А. К вопросу о природе развития языка.— Сб. «Иберийско-кавказское языкознание». Т. III. Тбилиси, 1952, стр. 137—180.— На груз. яз. Резюме на русск. яз. Маковельский А. Учение о взаимоотношении языка и мышления в трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания.— Сб. «Труды И. В. Сталина по языкознанию и вопросы азербайджанского языкознания», Баку, 1952, стр. 19—28. Мешкаускас Е. Вопросы взаимоотношения языка и мышления в свете труда товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».— «Вестник АН Литов. ССР», Вильнюс, 1952, № 9, стр. 66—75.— На литов. яз. Мовсесян А. Вопросы языка и мышления в свете трудов И. В. Сталина о языке.— Сб. «Исследования по языкознанию и арменоведению». Т. I. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1951, стр. 19—38. Надирашвили Ш. Психология речи и мышления в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.— Сб. «Шестая науч. конференция аспирантов. 10—12 июня 1952 г. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, Изд-во ун-та, 1952, стр. 19—21.— На груз. яз. Николенко Д. Ф. Развитие мышления и языка у детей дошкольного возраста.— «Дошкільні виховання», Киев, 1951, № 2, стр. 5—12.— На укр. яз. Рамишвили Д. И. К вопросу о взаимоотношении процессов мышления и речи в идеалистической и советской психологии.— Сб. «Иберийско-кавказское языкознание». Т. III. Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952, стр. 427—482. Рамишвили Д. И. Проблема взаимоотношения речи и мышления в свете учения товарища Сталина о языке.— Сб. «Дискуссия на тему: „Некоторые вопросы советской психологии“». 8—10 апреля. Тезисы докладов. Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1952, стр. 22—30. Соколов В. С. Развитие И. В. Сталиным марксистско-ленинского учения о единстве языка и мышления. Автореферат канд. дисс.— М., 1952, 15 стр. (Моск. обл. пед. ин-т Мин-ва просв. РСФСР.) Спиркин А. Г. Учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах — естественно-научная основа сталинского учения о языке.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», М., 1951, № 3, стр. 221—236. Стычинский И. Л. Мышление и речь.— «Халык мугалими», Алма-Ата, 1951, № 4, стр. 30—42. Таванец П. В. Суждение и предложение.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», М., 1951, № 2, стр. 155—164. Чернокозова В. Н. Суждение и предложение в свете учения И. В. Сталина о единстве языка и мышления. Канд. дисс.— Иркутск, 1951. 518 л. (Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова.)— Напеч. на пиш. маш.— Библиогр. л. 509—516. Шемякин Ф. Н. Вопросы языка и мышления в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию.— Сб. «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 291—331. Шорохова Е. В. Учение И. П. Павлова о сигнальных системах.— Сб. «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 332—369. Штофф В. А. Развитие товарищем Сталиным марксистско-ленинского учения о языке и мышлении.— Сб. «Науч. сессия [Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова]. 1950 г. Тезисы докладов по секции философ. наук», Л., 1950, стр. 9—13.

Словарь русского языка. 52 000 слов. Сост. С. И. Ожегов. Под общ. ред. С. П. Обнорского. 2-е изд., испр. и доп.— М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 848 стр.

В наши дни каждый новый языковедческий труд привлекает к себе пристальное внимание советских людей и расценивается как событие в культурной жизни страны. Естественно, что особенно живой отклик получают работы, адресуемые массовому читателю и рассчитанные на повышение культуры устной и письменной речи. К такому типу языковедческих работ принадлежит однотомный «Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым. Словарь представляет собою руководство с весьма широким охватом явлений языка, подлежащих нормализации. Он указывает нормы употребления слов и образования их форм, дает правила произношения и правописания. Словарный состав языка показан здесь в реальных и разнообразных возможностях его практического использования в устной и письменной речи. Воздействие сталинского учения о языке на развитие научной мысли в области лексикографии проявляется при простом сопоставлении первого издания (1949 г.) словаря с новым его изданием (1952 г.), исправленным и дополненным, хотя все еще не свободным от недостатков.

В своем анализе мы остановимся на следующих вопросах: 1) произносительные нормы и ударение, 2) порядок расположения слов, 3) состав словника, 4) толкование значений, 5) различие омонимов, 6) метод выделения фразеологии и 7) грамматические характеристики и пометы, определяющие экспрессивные признаки слов. Иногда мы привлекаем и некоторые факты из области историографии вопроса, чтобы представить материал рецензируемого словаря в определенной исторической перспективе.

1. В историографии вопроса о русской орфографии рецензируемый труд занимает определенное место. Напомним, что среди ученых наблюдались значительные разногласия в характеристике современного русского литературного произношения. Так,

Л. В. Щерба, например, утверждал, что старое московское произношение в наше время «безоговорочно исчезло». По мнению Р. И. Аванесова, «дореволюционное так называемое „московское произношение“ еще бытует в речевой практике, но некоторые его особенности стали уже неупотребительными, вследствие чего оно теперь не может выступать в роли „безоговорочного образца“»¹. Признание литературного языка и, в частности, его произносительной стороны историческим явлением позволило исследователям различать новые черты, выработанные в процессе постепенного развития языка, наряду с чертами традиционными, сохранившимися до наших дней свой образцовый характер. Эта точка зрения была изложена и А. С. Никудиным, который обобщил в 1941 г. материал анкетного обследования, проведенного Академией наук. Идея устойчивости московского произношения пропагандировалась Д. Н. Ушаковым, Г. О. Винокуром и А. И. Ефимовым, утверждавшими, что старые московские нормы в полной мере еще остаются общерусским произносительным образцом.

В своей характеристике состояния современного русского литературного произношения С. И. Ожегов не стоял на крайних позициях. В период публикации первого издания «Словаря русского языка» он писал о том, что в советскую эпоху «...новая интеллигенция несла в литературный язык те общие для многих диалектов черты языка народа, которые укрепляли в литературном языке многие прогрессивные тенденции его развития, не получившие значения признанной нормы». По мнению автора, в этом следует видеть «...глубокий процесс становления новых норм, на основе сочетания всех прогрессивных тенденций литературного языка с животворными потоками народной речи»². Во вступительной статье к первому изданию словаря С. И. Ожегов говорил не о полном исчезновении старого московского произношения, а о «процессе п р е о б р а з о в а н и я» его норм (стр. X).

В новом издании словаря изменен ряд формулировок орфоэпических правил и уточнены реальные отношения современной нормы к прежней произносительной традиции. Повторяя свою мысль об исторической преемственности, проявляющейся, например, в том, что современное произношение безударных гласных в основном подчиняется закономерностям, свойственным старому московскому произношению, С. И. Ожегов теперь не говорит об ослаблении московского аканья особенно в первом предударном слоге. Это был тот тезис, который раньше приводил автора к выводу об укреплении в образцовом произношении севернорусской умеренно-аканьюющей нормы, в свое время неоднократно выдвигавшейся акад. С. П. Обнорским и названной В. А. Богородицким «восточнорусской вариацией» литературного языка.

С. И. Ожегов утверждает, что прежняя норма сохраняется в произношении *a* после *ч, щ* в первом предударном слоге как *e*, склонного к *и*: *чечсы, щецель*. «Грамматика русского языка» Академии наук (т. 1. Фонетика и морфология. — М., Изд-во АН СССР, 1952) узаконивает такое произношение, но можно думать, что несомненная тенденция упрощать орфоэпические нормы впоследствии приведет к такой унификации, когда будет узаконено предударное *a* независимо от качества предшествующей согласной.

Наряду с указаниями на активность ряда старых орфоэпических норм, в словаре изложены отступления от тех явлений традиционного московского произношения, которые в настоящее время явно устарели. Но в образовании «новых норм» не наблюдается нарушения непрерывности развития: новая норма устанавливается в результате вытеснения одного из тех вариантов, которые раньше конкурировали в живой произносительной практике. Если, например, на месте *a* после *жс, ш* в первом предударном слоге, согласно старым московским нормам, звучало *ы*, то теперь нормальным в этой позиции признано *a* (*жара*, а не *жыра*; *шары*, а не *шыры*). Акад. А. А. Шахматов, наблюдавший в речи носителей литературного языка произношение *жара*, называл его «новым», возникшим под влиянием формы им.—вин. падежа ед. числа *жар, шар*. Вероятно, кроме действия аналогии, в данных случаях проявлялось влияние орфографии, как одного из весьма действенных факторов развития живого произношения.

Новая норма может быть узаконена не только принятием одного варианта, ставшего господствующим, но и признанием равноправия двух вариантных форм. Еще в старых описаниях произносительной системы русского литературного языка указывалась распространенность в живой литературной речи произношения *щ* как *щыч* или как долгого мягкого *ш*. Последний вариант обычно считался образцовым, и еще в период, к которому относится характеристика А. А. Шахматовым русского литературного произношения, этот вариант выступал одним из признаков «московского наречия». О силе конкурирования того и другого варианта свидетельствует попытка И. А. Бо-

¹ Р. И. Аванесов, Вопросы русского литературного произношения, «Русский язык в школе», М., 1937, № 3.

² С. И. Ожегов, Работы по культуре речи, «Советская книга», М., 1949, № 3, стр. 113.

дуэна де Куртенэ различать по произношению *щ* две группы говорящих на русском литературном языке.

В первом издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова произношение *щ* как *щч* было признано образующим и господствующим, а произношение его по старой московской норме — «отмирающим». В новом издании уже указывается различие степени активности, т. е. употребительности того и другого варианта. Хотя, по мнению автора, произношение *щ* как долгого мягкого *ш* и встречается реже, но оно теперь считается «возможным». Академическая же грамматика безоговорочно признает равноправие той и другой произносительной формы.

Изменение мы находим и в формулировке правила произношения сочетаний *эж*, *эжс* в составе корня, которые, как известно, в старом кодексе орфоэпических правил рекомендовалось произносить обязательно как *эс* долгое мягкое: *эсужсжстать*, *приэжсжсжать*. Твердое долгое *эс* раньше решительно отвергалось как диалектное. В первом издании словаря С. И. Ожегов писал, что данные сочетания «произносятся как долгое твердое *эс* (при отмирающем теперь... долгом мягком *эс*)» (§ 21, п. 7). В переработанном своде орфоэпических правил (второе издание словаря) автор признал литературным тот и другой вариант. Академическая грамматика уточняет степень распространенности *эс* долгого твердого, которое, как здесь говорится, пока не так широко употребительно наряду с мягким вариантом, как *шч* при *ш* долгом мягком на месте *щ* (§ 76 и 146).

Если в рецензируемом труде указано, что согласные перед мягкими согласными на стыке приставки и корня обычно не смягчаются, например *растереть* (§ 22, п. 4), то академическая грамматика признает смягчение согласных перед *т^б*, *д^б*, *н^б*, *л^б* «более возможным, чем в остальных случаях», и, например, произношение на стыке приставки и корня мягких *с*, *з* (*расэтереть*, *разэделать*) считает более употребительным, чем твердое их произношение (§ 136).

Расхождения рекомендаций ударений слов в разных изданиях словаря незначительны. Вообще же в словаре С. И. Ожегова есть ряд случаев недопущения акцентных колебаний, ранее признаваемых нормальными. Например, в слове *ломота* указано только ударение на суффиксе, как в слове Даля и в том же слове под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ, а не двоякое ударение *ломóта* как в слове Ушакова³. Принимается только ударение на корне в слове *кладчина*, по прежним же нормам допускалось и ударение на суффиксе, возможно, возникшее в результате аналогии с *гобiны*, *родiны*, *именiны*⁴. Словарем предложено ударение на корне в слове *кладбище*⁵. Из истории вопроса известно, что это ударение объяснялось наблюдавшимся в языке стремлением дифференцировать значения в словах с суффиксом *-ищ(е)* путем установления акцентных отличий слов, в которых суффикс *-ищ(е)* не имеет значения увеличительности⁶.

В префиксальных существительных суффикс *-ение* чаще всего бывает ударным: *приобретение*, *изобретение* (но ср. *упрочение*). Ударение же *изобрéтение*, *приобрéтение*, нередкое в разговорном языке и существующее в нем по возможной аналогии с *изобрéсть*, *приобрéсть*, не считается в рассматриваемом словаре орфоэпическим вариантом.

В первом издании словаря С. И. Ожегова было указано ударение на окончании слова *броня*, вместо возможности колебаний, признаваемой в прежних лексиконах. По наблюдениям С. П. Обнорского, это слово допускает ударение и на основе, но в литературном языке (собственно, в языке писателей), как утверждает исследователь, ударение на окончании преобладает⁷. С. И. Ожегов в переработанном издании своего труда указывает две акцентные формы и семасиологизирует разные ударения, различая по акцентным признакам омонимы (*брóня* — документ и акт закрепления когочего-н. за кем-чем-н. и *броня́* — защитная военная одежда и облицовка). «Словарь современного русского литературного языка» Академии наук (т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950) допускает двоякую возможность ударения этого слова и не различает омонимы, а академическая грамматика узаковывает в слове *броня* устойчивое ударение на окончании падежных форм ед. числа и на основе в формах мн. числа (§ 269).

Сопоставления материалов различных словарей показывают, что в глаголах

³ Ср. также Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, 4-е, переработ. изд., Киев, «Радянська школа», 1949, стр. 124.

⁴ См. Р. Ф. Брандт, Начертание славянской акцентологии, СПб., 1880, стр. 15.

⁵ См. это слово у В. И. Чернышева в его кн. «Русское ударение», СПб., 1912, стр. 45, и в словарях Ушакова и Даля.

⁶ См. Р. Ф. Брандт, указ. соч., стр. 14, и Я. Грот, Филологические разыскания, 3-е, доп. изд., т. I, СПб., 1885, стр. 426—427.

⁷ См. рецензию С. П. Обнорского на «Грамматику русского языка» Р. Кошутца, II, Белград, 1914, в «Известиях Отделения русского языка и словесности АН», Пг., 1916, т. XXI, кн. 1, стр. 328.

с суффиксом *-ровать* наблюдается тенденция к перенесению ударения с конечного гласного суффикса на первый (гласный *и*). Автор рецензируемого словаря рекомендует ударения на суффиксе *-ир* и в глаголах *баллотировать, планировать*. Но другой акцентный вариант в этих словах еще не вытеснен. Он вполне допустим, хотя и более редок, как говорится в академической грамматике (§ 847).

Колебания ударений в словах иноязычного происхождения, вошедших в словарный состав русского языка, бывают иногда связаны с тем, что эти слова употребляются в разных языках, из которых шло заимствование, с разными акцентными формами. В словаре С. И. Ожегова предлагается только одно ударение тогда, когда в других источниках указывается возможность колебаний. Например, в словаре Академии наук считаются нормальными варианты ударений в словах *апо́строф, астронóм*, а академическая грамматика допускает колебания ударений в слове *су́ффикс* (§ 251). Предлагаемая в качестве образцового ударения *апо́строф, астронóм, су́ффикс*, С. И. Ожегов основывался прежде всего на большей употребляемости данных вариантов, поскольку нельзя отрицать признаваемой академическими литературными источниками допустимости здесь акцентных колебаний.

Мы полагаем, что в случаях, когда колебания ударений являются живым фактом произношения, не выходящим за пределы литературной нормы, следует их указывать в нормативном пособии, чтобы была возможность отличать такие случаи от вариантов, безусловно отвергаемых литературной нормой (например, таких, как *де́фис* вместо *дефис, а́рест* вместо *арест* и т. п.). Впрочем, словарь признает колебания ударений в слове *бу́ж*, хотя академическая грамматика приводит в этом слове ударение только на первом слоге (§ 251). Допускаются колебания ударений в наречиях *до́белá, до́краснá* вопреки академической грамматике, в которой утверждается, что нормальным здесь является ударение на приставке и что другой вариант «следует считать нелитературным» (§ 963).

Перечнем указанных выше фактов не исчерпываются противоречия трактовки материалов в трех, почти одновременно вышедших нормативных пособиях по современному русскому литературному языку — в словаре С. И. Ожегова, в словаре Академии наук и в академической грамматике. Наличие такой противоречивости — слабая сторона пособия, ставящего перед собой нормативные цели. Всякий нормативный труд в области языкознания предлагает законы, а не выдвигает вопросы для дискуссионного обсуждения, которое должно предшествовать кодификации. Разнобой в определениях языковой нормы недопустим. Он свидетельствует о том, что Институт языкознания АН СССР еще не обратил должного внимания на координацию материалов в публикуемых трудах, ставящих перед собой нормативные цели.

2. Словари являются справочным пособием, и лучшей системой расположения в них материала является та, которая обеспечивает возможность легко найти нужное слово. Вот почему акад. Я. Грот так настаивал на алфавитном порядке размещения слов, считая отступление от такого порядка «погрешностью против филологии»⁸. Однако не всякое отступление от алфавитной системы затрудняет работу над словарным справочным пособием. Сравнительно небольшой объем рецензируемого словаря, краткость толкований ограничивают размеры словарных статей и позволяют читателю быстро найти интересующее его слово внутри «гнезда». При строго алфавитном порядке расположения заглавных слов включение в словарную статью некоторых производных слов не может вызывать возражений. Частичное сохранение гнездовой системы вполне оправдывается задачей — наиболее широко представить употребительную в современном литературном языке лексику, значительно не увеличивая объема словаря.

Некоторые затруднения вызывают поиски фразеологизмов. Объясняется это случайностью выбора заглавного слова. Таким словом иногда является, например, одно из существительных, входящих в состав фразеологической единицы (*село: ни к селу, ни к городу*), в других случаях — это прилагательное (*гладкий: взятки гладки*); иногда заглавным словом выступает глагол (*гореть: земля горит под ногами*). В таких случаях желательно было бы увеличение количества ссылочных слов.

3. Пересмотр состава лексики в работе над новым изданием словаря привел к исключению того материала, который не входит в активную часть словарного состава современного русского литературного языка. Это — термины, представляющие собой названия предметов и явлений старого и древнего быта (*зриднища, вено, магистрант, мажордом, гелертер, амикошонство, менестрель* и др.), иноязычные по происхождению слова, имеющие русские или заимствованные по происхождению соответствия и вытесненные последними из речевой практики (*матрикул — зачетная книжка; вакация — каникулы* и др.). Иногда это профессиональные термины (например, искусствоведческие — *антаблемент, марина*; относящиеся к морскому делу и судовождению — *галс, ванта*; также весьма редкие — *абсорбировать, гипостагировать* и пр.). В новом издании словаря мы уже не находим и некоторых областных (диалектных) слов, которые не имеют широкого распространения в составе литературного языка в качестве

⁸ Я. Г р о т, указ. соч., стр. 203.

выразительного средства (*дежа, лядина, грабить* в значении «убирать граблями, сгребать» и др.), хотя некоторые из них (например, *лядина*) словарь Академии наук (т. I, 1950, стр. V) считает выходящими «за пределы... узко местного значения».

Только в единичных случаях рецензируемый труд допускает отступления от принятых принципов подбора словарного материала. Так, например, едва ли может быть убедительно обосновано включение в данный словарь таких слов, как *махаон, ферула, жорда* (не в математическом значении), *шанец, эвентуальный*. Нельзя требовать включения в данный словарь редких специальных терминов, обычно не выходящих за пределы узкопрофессиональной сферы. Но у читателей не без основания возникает вопрос о том, почему в словаре нет таких медицинских терминов, как *инфаркт, гастрит, гайморит, пневмония*, если из того же круга лексики в словаре представлены, например, *гемофилия, климактерий, тромбоблебит* и др.

В критических оценках словарных работ нередко встречаются упреки авторам в неполноте привлекаемого ими материала. Четкая формулировка задач и определение круга источников, во многих отношениях важные для словарной работы, могли бы исключить возможность подобных нареканий. Как пишет С. И. Ожегов во введении, словарь не ставит своей задачей «отразить все многообразие словарного состава современного русского литературного языка и охватывает только наиболее существенные его части» (§ 1). Однако на основании высказываний автора в п. 4, § 2 можно полагать, что в словаре представлена лексика, нужная, в частности, «для понимания текстов классической литературы». Это позволяет критике предъявлять к содержанию словаря требования, которые он удовлетворить не может, да и не должен. Анализ словаря показывает, что он относительно полно отражает современное состояние словарного состава русского литературного языка, собственно активную часть его словарного состава, прежде всего то, что входит в практику устной и письменной литературной речи в наши дни и что имеет нормативный характер. Этот материал составляет основное содержание словаря; он придает словарю особый облик и является одним из наиболее отличительных признаков данного «лексикографического жанра». Следует пожелать, чтобы типологическая характеристика словарей, изложенная в статье С. И. Ожегова «О трех типах толковых словарей современного русского языка»⁹, была в известной своей части включена во введение к его словарю. Тогда бы у читателей не могло возникнуть вопросов о том, почему в словаре нельзя найти таких слов, как *брегет, шлаффор, васисдас* (Пушкин, Евгений Онегин), *возражатель* (Ленин, Соч., т. 24, стр. 25), *софистицировать* (Ленин, Соч., т. 17, стр. 85), *уширение* (Ленин, Соч., т. XX, стр. 8) и некоторые другие¹⁰.

В связи с проблемой установления объема материала, привлекаемого для словаря того типа, к которому принадлежит рецензируемый труд, мы позволим себе сделать предложение, как нам кажется, не лишнее некоторого практического смысла. Было бы желательно, не расширяя словника, сделать пополнение уже имеющихся словарных статей такими значениями, которые помогут правильному пониманию слов в произведениях, чрезвычайно популярных у советских читателей. Так, например, в словаре мы находим словарную статью, посвященную прилагательному *щепетильный*. Но предлагаемое здесь толкование: «строго, до мелочей последовательный и принципиальный в отношениях с кем-н. или по отношению к чему-н.» — не раскрывает значения, присущего этому слову во времена Пушкина. Представитель тех широких кругов, на которые рассчитан словарь, зная, что этот лексикон не является исчерпывающим пособием при чтении русской классической литературы, не будет удивлен, не найдя таких слов, которые выпали из активной части словарного состава. Но, найдя в словаре современное толкование прилагательного *щепетильный*, читатель, естественно, будет ошибочно осмыслять его в известном пушкинском тексте: «Все, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный...».

Еще один пример. Читатель найдет статью о слове *сколка*, поясняемом в том доминирующем значении, которое оно имеет в наши дни: «Ссора, враждебные отношения на почве мелких интриг, борьбы личных интересов». Но такая трактовка не может помочь уяснению значения данного слова, например, в работе В. И. Ленина «К деревенской бедноте»: «На все свое хозяйство (кроме корма скота) однолошадный крестьянин может расходовать — например, в Воронежской губернии — не больше *двадцати рублей в год!*.. Двадцать рублей в год — и на аренду земли, и на покупку скота, и на починку сохи и других орудий, и на пастуха, и на все прочее! Разве это хозяйство? Это — одна *сколка*, одна *каторга*, вечная *маета*»¹¹. Здесь *сколка* имеет то значение, которое указано в словаре Даля: «Тревога, хлопоты, беспокойство, передрыга».

4. Толкования значений общественно-политических терминов сделаны с большей тщательностью, чем в первом издании словаря (см. термины *демократия, надстройка, агрессия, космополитизм, лейборист, революция* и др.), хотя все же некоторые погрешно-

⁹ «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 85—103.

¹⁰ Факты из лексики произведений В. И. Ленина предоставлены в наше распоряжение П. Н. Берковым.

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 350.

сти в этой области сохраняются и в новом издании. Что же касается общего характера толкования слов, то в отдельных случаях возникает необходимость некоторых редакционных изменений и уточнений. Так, например, нуждается в уточнении толкование слова *закат*: «Огненно-красное освещение неба над горизонтом при заходе солнца». Указанная здесь окраска неба не определяет постоянный, необходимый, отличительный признак явления. *Междоусобие* определяется как «Несогласие, раздор между к-н. общественными группами в государстве». Более удачным является толкование этого слова в словаре Ушакова: «Внутренний раздор, смута, война в государстве». В характеристике значения слова *зеркало* определяющим признаком должны быть представлены не только «гладкая блестящая поверхность (стеклянная, металлическая), дающая точное отражение находящихся перед ней предметов» (поскольку не всякая такая поверхность является зеркалом), но и назначение данного предмета.

5. Словарь последовательно отличает омонимы от разных значений одного и того же слова. При слабой теоретической разработке вопроса о семантической структуре слова (это, конечно, весьма осложняет деятельность лексикографов) проведенный в словаре опыт различения омонимов заслуживает внимания. Известно, что «значение слова далеко не совпадает с содержащимся в нем указанием на предмет, с его функцией названия, с его предметной отнесенностью...»¹² В обеспечении внутреннего единства слова большая роль принадлежит семантическому единству системы его значений¹³. Но в процессе обращения слова новыми значениями и смыслами семантическое единство может ослабляться, пока, в крайних пределах, не совершится распад одного слова на омонимы. Однако эти «крайние предель», очерчивающие семантические границы слова, отличаются зыбкостью, вследствие чего установление «пограничных линий» является нередко довольно сложной задачей. Если связи между двумя или несколькими значениями слова настолько слабы, что не всегда и не всеми отчетливо осознаются, то в таких случаях иногда различают так называемые «сомнительные омонимы».

Наши замечания будут относиться к некоторым спорным случаям разрешения в рецензируемом труде семантических задач. Мы полагаем, например, что в современном языке стерлись живые семантические связи между словом *дума* «мысль, размышление» и *дума* «название некоторых учреждений». Различение омонимов было бы здесь вполне оправдано (ср. еще омоним *дума* «род украинской народной песни»).

Возможные ассоциативные связи по смежности в процессе развития значений: *блюдо* «тарелка» — «кушанье»; *стол* «предмет мебели» — «питание, пища» и *стол* «отделение в учреждении» — обычно уже не осознаются как связи мотивированные. Это повлекло за собою нарушение того «семантического единства значений», которое, наряду с другими факторами, обеспечивает внутреннее единство слова.

Знаменательно, что в академической «Грамматике русского языка» замечается тенденция признавать разными словами так называемые «сомнительные омонимы», т. е. такие слова, связь между которыми еще не полностью утрачена. Об этом свидетельствует, например, различие омонимов *тон* «переливы света» и *тон* «звук», *тормоз* «прибор» и *тормоз* «препятствие» (§ 256). Правда, здесь лексико-семантическая дифференциация поддерживается различиями грамматических форм (окончанием форм им. падежа мн. числа). Но это обстоятельство вряд ли отражается на самом принципе различения отдельных слов в тех случаях, о которых раньше принято было говорить как о разновидностях одного и того же слова. Координация материала в словаре С. И. Ожегова и академической грамматике привела бы к выделению в особые словарные статьи и таких слов, как *месяц* «единица исчисления времени» и *месяц* «луна», *вырезка* во 2-м и 3-м значениях, *наряд*² в 1-м и 2-м значениях, *натура* в 1, 2, 3, 4-м значениях и некоторые другие. Во всех подобных случаях происходит, может быть еще не вполне завершившийся, но несомненный процесс отпочкования омонимов.

6. Принятый в словаре метод выделения фразеологии представляется нам весьма спорным и нуждающимся в серьезном пересмотре. Излагая приемы конструирования словарной статьи, автор определяет роль примеров, иллюстрирующих употребление слов и содействующих более полному пониманию их значений. Во введении мы читаем: «В качестве примеров даются короткие фразы, наиболее употребительные сочетания слов, а также поговорочные, обиходные и образные выражения, показывающие употребление данного слова» (§ 20). Жирным шрифтом выделяются «фразеологические сочетания, устойчивые выражения». Они помещены в конце словарной статьи и сопровождаются особыми толкованиями, поскольку их общее значение «не определяется непосредственно значением данного слова», т. е. значением заглавного слова статьи (§ 21).

Многочисленные факты показывают, что под иллюстративными «короткими фразами», «наиболее употребительными сочетаниями слов» и «обиходными выражениями» очень часто понимаются фразеологические единицы, различные типы несвободных сочетаний. Использование их в качестве иллюстраций не только не содействует раскры-

¹² В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 13.

¹³ См. там же, стр. 14.

тию семантики того или иного слова, но приводит к ряду недоразумений в семантических характеристиках слов. «Различия в онтологическом содержании свободных и связанных значений настолько велики и существенны, что их неразличение (типичное, например, для „Толкового словаря русского языка“ под редакцией проф. Д. Н. Ушакова) неминуемо приводит к искажению всей смысловой структуры слова», — писал В. В. Виноградов¹⁴. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова не избежал этого недостатка. Более того, неразличение фразеологизмов, поставленных в иллюстративном материале рядом со свободными сочетаниями, приводит к отступлениям от положений, разработанных акад. В. В. Виноградовым в его исследованиях о фразеологии и прочно вошедших в научный оборот. Приведем некоторые примеры обработки фразеологического материала в рецензируемом словаре.

Среди иллюстраций, показывающих употребление и значение слова *курица*, мы находим фразеологическое сращение *денег кури не клюют*. Автор прекрасно знает, что между общим значением этого словосочетания и значением слова *курица* нет непосредственной связи, т. е., что значение фразеологизма не может быть раскрыто толкованием значений входящих в него компонентов, а поэтому он сопровождает данное речение пояснением его реального значения: «(очень много денег; разг.)». Если автор видит в этом речении несвободное сочетание, фразеологизм, то это должно было отразиться на обработке им словарной статьи: по принятому в словаре порядку, фразеологизм занимает в словарной статье определенное место и получает соответствующее графическое оформление. В таком же положении оказалось и фразеологическое сращение *наострить лыжи*, хотя аналогичное *лить* или *отливать пули* нашло в словаре место среди фразеологии.

В числе иллюстраций первого значения слова *душа*: «Внутренний, психический мир человека, его сознание, мышление» — находим такие примеры: *сколько душе угодно* (сколько угодно, вдоволь), хотя этот фразеологизм известен и в приложении к области, не связанной с психическим миром человека (например, о насыщении обильной пищей). Здесь же даны примеры *стоять над душой*, *отвести душу* и др. Неразличение фразеологизмов, выставление их в роли примеров, раскрывающих значение заглавия словарной статьи, искажает смысловую структуру слова. Кроме того, метод использования фразеологических сращений как средства, способствующего более полному пониманию значения слова и способов его применения, порочен, потому что «фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы», оно отличается смысловой слитностью и недифференцированностью¹⁵. Поэтому искусственное выделение из состава фразеологического сращения отдельного слова для иллюстрирования значения заглавия словарной статьи противоречит самой природе данного типа фразеологизма, а толкование реального значения составных его элементов ничуть не содействует раскрытию значения целого слитного словосочетания. Отнесение приведенных выше фразеологизмов к первому значению слова *душа*, повидимому, продиктовано задачей показать филиацию значений, что свидетельствует о стремлении связать семантику компонентов фразеологизма с определенной разновидностью семантики «отдельного слова».

Отсутствует четкость и в выделении фразеологических единств. Иногда в словарной статье они занимают надлежащее место, но чаще всего находятся среди свободных словосочетаний, иллюстрирующих значение заглавного слова. Например, при слове *глаз*: «Орган зрения, а также само зрение» — приведено: *отвести глаза кому-н.* (перен.: отвлечь внимание); при слове *дудка*: «Род музыкального инструмента — трубка из тонкого выверленного ствола дерева или тростника» — дано: *плясать под чью-н. дудку* (перен.: во всем подчиняться кому-н.); при слове *зуб*: «Костное образование, орган во рту для откусывания и разжевывания пищи» — находим: *зубы на полку положить* (перен.: ограничить себя в самом необходимом из-за отсутствия средств; разг.) и др.

Подобные иллюстрации обычно сопровождаются пометой, указывающей на их переносный смысл, а иногда приводятся и без этой пометы, как в случае *из огня да в полымя*, где фразеологизм стоит рядом с такими метафорическими выражениями, как *глаза горят огнем*; *юноша — огонь!* Следовательно, есть основание полагать, что фразеологизмы рассматриваются как обычные метафоры, которые реализуются так, что переносный смысл не заслоняет прямого значения, а сохраняет свою образную ошутимость, свою наглядность. Это искажает семантическую структуру фразеологических единств, хотя и обладающих семантической раздельностью компонентов и мотивированностью целостного значения, но не являющихся свободными словосочетаниями, реальное значение которых складывается из значений компонентов. Лексикографическое неразличение в словаре фразеологизмов приводит к таким недоразу-

¹⁴ В. В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, в кн.: А. А. Шахматов. Сб. статей и материалов. Труды комиссии по истории АН СССР, вып. 3, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 362.

¹⁵ См. там же, стр. 348.

нениям, которые не могут «нейтрализоваться» толкованием их реального смысла (например, при слове *зубы*: *зубы точить на кого-н.* — перен. «злوبيться, стремиться принести вред»).

Также нет ясности и в выделении несвободных составных терминологических названий. Одни из них отнесены к фразеологизмам (*белая горячка, желтая дорога, желудочно-кишечный тракт*), другие — к свободным сочетаниям (*антонов огонь, дыхательные пути, вид на жительство*).

7. В нормативном словаре русского языка, рассчитанном на широкий круг читателей, подбор иллюстративных грамматических форм до известной степени ориентируется на наиболее распространенные в речевой практике случаи нарушения литературной нормы, подобно тому, как, например, орфографический словарь основывается в подборе материала на учете наиболее распространенных ошибок в правописании.

Пользующийся «Словарем русского языка» С. И. Ожегова найдет много полезных указаний о грамматических формах, образование которых может встретить и действительно встречает затруднения у тех, кто овладевает нормами образцово русской литературной речи. Еще в словаре Ушакова глагол *довлеть* с твор. падежом в значении «тяготеть над кем-н.» считался недопустимым. Рецензируемый словарь признает *довлеть*¹ с дат. падежом (*довлеть себе*) — фактом архаичным и узаконивает *довлеть*² над кем-чем в значении «тяготеть, господствовать, воздействуя на кого-что-н.» В последнее время в печати часто можно встретить формы им. падежа на -ы, -и: *профессоры, лагеря*. Словарь считает образцовой только форму на -а (я): *профессора, лагерь*.

Нередко возникают сомнения в том, как образовывать формы им. падежа мн. числа слов: *библиотекарь, блудо, бухгалтер, договор, инженер, инструктор, катер, корректор, общество, приговор, сектор, торт, фельдшер, фронт* и некоторых других. Указания форм мн. числа этих слов были бы в словаре весьма полезными. Было бы ясно, в каких случаях возможны колебания форм (например, допускаемые окончания на -а и на -ы в словах *бухгалтер, корректор, сектор, инструктор*), когда допустимы только формы на -а (как в словах *фельдшер, катер*), в каких случаях формы на -а не следует поддерживать в письме и произношении (как в словах *инженер, торт, аптекарь, фронт, библиотекарь* и др.). Необходима координация между словарем, предлагающим в качестве равноправных форм мн. числа *тополя* и *тополи*, *писаря* и *писари*, а также форму род. падежа мн. числа *граммов, килограммов*, и академической грамматикой, рекомендующей в этих словах только форму мн. числа *тополя* и *пекаря* и только форму с нулевым окончанием *грамм, килограмм*.

Принятую в словаре ремарку «собирательное» было бы желательно видеть во всех случаях наличия этой категории, например, при существительных с суффиксом -ник, -няк, обозначающих совокупность деревьев, кустов, растений (*ельник, орешник, ивняк, березняк*). Полезны были бы и указания, что слова *вымя, пламя, темя* не употребляются во множественном числе.

8. В новом издании словаря пересмотрена система помет, дающих стилистическую характеристику слов и устанавливающих хронологическую перспективу. Внесена новая помета «высокое», означающая, что «слово придает речи оттенок торжественности, приподнятости; свойственно публицистической ораторской речи, являясь разновидностью книжных слов» (стр. 6). Но не все слова, сопровождаемые такой пометой, обладают одинаковой тональностью. В этом легко убедиться, сопоставив такие слова, как *неуязвимый, благоденствие, година, незабвенный*, с одной стороны, и *неоспоримый, корениться* — с другой. Слово *денница* (высок. стар.) связано не столько с публицистической ораторской речью, сколько с поэтической лексикой классической литературы. Если можно усматривать высокий оттенок переносного значения глагола *убить* «уничтожить, прекратить» в сочетании *убить надежды*, то сочетание *убить спекуляцию* хотя и встречается в публицистической речи, но не обладает оттенком торжественности, приподнятости. Объект, на который направлено действие, выраженное переносным значением этого глагола, снижает семантику метафоры.

Форма им. падежа мн. числа *музы* действительно придает речи торжественный характер, но сочетание *музы науки* нам не приходилось встречать без иронии (ср. сочетание *жрецы науки*, сопровождаемое в словаре пометой «ирон.»). Высокая, торжественная окраска связана и с формой им. падежа *сыны*, которая, как указано в словаре, служит не для обозначения родственных отношений, подобно форме *сыновья*, а для называния людей как граждан, активных членов общества. Однако в «Слове» В. Гусева есть монолог, начинающийся с обращения: «Сыны мои...», в котором в этой форме мн. числа совмещаются 1-е и 2-е значения слова.

«Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста»¹⁶. Экспрессия характеризует оценку действительности, причем эта характеристика не может быть узкой, субъективной. Она должна опираться на оценку действительности социальной средой и не всту-

¹⁶ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 19.

пать в противоречия с этой оценкой. В словарном составе языка есть слова «органически экспрессивные». Оценка действительности дана в самом их значении. Пометы «пренебр.», «презр.», «неодобр.», данные в словаре к словам: *головотяп* (разг. пренебр.), *подлец* (разг. презр.), *головорез* (разг. неодобр.) и др., в сущности ничего не прибавляют к тому, что дано самим значением этих слов. Характеристика же экспрессии этих слов при помощи таких помет не может не быть несколько субъективной (например, при *бездарный* «лишенный таланта, дара», *бестактный* «лишенный такта, чуткости, чувства приличия» с одинаковым основанием можно было бы дать помету: «неодобр.», «презр.», «пренебр.»; слово *бесчинство* «грубое нарушение общественного порядка» получило помету «неодобр.», тогда как выражаемое этим словом явление могло бы заслужить более сильную экспрессивную оценку. При *непутевый* «легкомысленный, беспутный, разгульный» дана помета об употреблении этого слова в просторечии, но нет его оценочной квалификации при помощи принятых в словаре ремарок; слово *маниловщина* сопровождается пометой «неодобр.», а при глаголе *донкишотствовать* пометы нет, хотя это слово не является в экспрессивном отношении нейтральным.

Замечания, возникающие при ознакомлении со «Словарем русского языка» С. И. Ожегова, не затрагивают основного содержания этого большого труда, в основном заслуживающего положительной оценки у научной критики и у того широкого круга читателей, на который словарь рассчитан. Однако новое издание словаря потребует от автора тщательной доработки и значительного усовершенствования некоторых из выдвинутых им принципов составления краткого нормативного толкового словаря.

Р. Р. Гелгардт

С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. — М., Изд-во АН СССР, 1952. 344 стр. (Ин-т языкознания.)

Большой труд С. Д. Никифорова посвящен интересной и важной проблеме. Грамматический строй русского языка XVI в. изучен недостаточно, в частности это относится к категориям и формам глагола данного периода. Таким образом, рецензируемая книга покойного автора, историка русского языка, заслуживает особенного внимания.

С. Д. Никифоров изучил важнейшие памятники всех жанров второй половины XVI в. Это позволило ему сделать ценные наблюдения над употреблением тех или иных глагольных форм в произведениях различных жанров, установить, для каких жанров отдельные формы не являлись характерными, какие из форм уже не принадлежали разговорному языку.

Автор указывает, что «в ряде случаев в данном исследовании глагольные формы памятников второй половины XVI в. сопоставляются по составу, семантике и функциям с соответственными диалектными формами» (стр. 9). Нельзя не выразить сожаления, что такое сопоставление проводится лишь «в ряде случаев», что, анализируя факты древнерусского языка, исследователь не разграничивает, какие из них являются принадлежностью общенародного русского языка и какие встречаются лишь в отдельных диалектах.

Автор не смог в полном объеме решить весьма ответственную задачу — проследить глагольные формы в их историческом развитии, хотя совершенно отчетливо представлял себе, что «только историческое изучение может раскрыть внутренние законы, по которым развивался русский язык» (стр. 3). Главное внимание в исследовании уделено характеристике глагола во второй половине XVI в., в меньшей степени — глаголу более раннего периода, причем автор во всех частях своей книги стремится установить, что является нормой для русского языка второй половины XVI в., что должно рассматриваться как пережиток, каков дальнейший путь развития того или иного языкового явления.

С. Д. Никифоров не ограничивается в исследовании рамками морфологии, а затрагивает и решает ряд весьма актуальных вопросов синтаксиса, рассматривая функционирование глаголов в предложении, в определенных случаях учитывая нахождение глагольного слова «в цельной по значению (и поэтому объединенной интонационно) части предложения — синтагме, в составе которой глагольное слово получает первичную конкретизацию» (стр. 11). Совершенно правильно подчеркивает автор: «Единицей языка как средства общения является предложение. Предложения могут сообщать о познанном явлении объективной действительности и могут выражать эмоции и побуждения. В составе предложения реализуются слова с их структурно-семантическими возможностями» (стр. 10).

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных глав исследования С. Д. Никифорова, остановимся на принятой им, но исторически мало обоснованной системе стилистических помет. Эти пометы (у автора они часто весьма дифференцированы: высокий, или литературно-книжный стиль, стиль церковных официальных документов, стиль